

Александр БОЙНИКОВ, член Союза писателей России, кандидат филологических наук, г. Тверь.

АПОЛЛОН КОРИНФСКИЙ: ПОРА ВОЗВРАЩЕНИЯ НАСЛЕДИЯ

Аполлон Аполлонович
Коринфский
(1867, Симбирск – 1937,
Тверь)

«Верьте: свобода найдет, где расправит орлиные крылья, – // Русская сила жива, жив богатырь наш – народ!..» – вдохновенно провозгласил в стихотворном обращении к братьям-поэтам в конце XIX века Аполлон Аполлонович Коринфский (1867 – 1937). Поэт, переводчик, литературный критик, очеркист-этнограф, сотрудник и редактор более 70 газет и журналов, он – примечательная фигура Серебряного века, – к глубокому сожалению, был на долгие десятилетия забыт, вычеркнут из ли-

тературно-культурного процесса вследствие резкого неприятия им Октябрьской революции.

После 1917 г. небольшие стихотворные подборки А. Коринфского публиковались лишь дважды – в 1972 и 1989 гг. в антологиях, которые не могли охватить все тематическое и жанровое своеобразие его поэзии. О выпуске его персональных поэтических сборников (даже с мизерным числом страниц) и речи не шло.

В редких литературоведческих статьях советского периода доминировали однобокие оценки поэзии А. Коринфского: «всеядность», «промежуточность», игра «взаимозаменяемыми эпитетами и красивыми словами», стремление совместить «риторические формулы «гражданской поэзии» с эстетическими канонами «чистого искусства», вторичность, книжность... Конечно, в его произведениях можно найти вышеперечисленные недостатки, с чем поэт соглашался и сам. Дореволюционная критика его книги в основном тоже не жаловала, отрицательных отзывов хватало, хотя были и положительные, к примеру, Д. Мамина-Сибиряка, В. Немировича-Данченко, К. Бальмонта. Была и читательская популярность, особенно в провинции.

Поэт был необычайно плодovit: его сборники порою насчитывали несколько сот страниц. Так что же – перечеркнуть навсегда десятки тысяч строк, идущих от сердца и пронизанных «русским духом» – искренней и самозабвенной любовью к православной Родине, ее славной истории, ее чарующей природе, ее мужественному и стойкому народу? Конечно, нет!

Вопрос в другом: в объективном, непредвзятом отношении к лирике А. Коринфского, прежде всего к той ее части, где «мерцает огонек поэтического воодушевления» (В. Брюсов).

Вопреки вынужденному забвению, поэзия А. Коринфского была и остается скромным, но самобытным и неотделимым звеном великой русской литературы, достойным возвращения. Однако в данной ситуации мы сталкиваемся с парадоксом: ставим задачу вернуть лучшие образцы его стихотворного наследия широкому читателю, который об этом наследии практически ничего не знает. Попытаемся очертить хотя бы абрис Коринфского-поэта.

* * *

Аполлон Коринфский вступил в большую литературу в 1890-е годы, которые до сих пор иногда именуются эпохой «безвременья». Остро переживая ностальгию конца века, он стремился нащупать в своих стихах интеллектуальный и эмоциональный нерв времени, воплотить собственное мироощущение как можно точнее, сильнее, пронзительнее, в сплав традиционных и индивидуальных образов:

Ослеп наш дряхлый век,

и, как слепец несчастный,

Бредет он наугад, окутан дымной тьмой;

И кажется ему весь божий мир прекрасный

Огромною тюрьмой...

Ряд его поэтических медитаций созвучен современности. Личность автора и лирического героя в них настолько спаяны единым чувственным порывом, что провести четкую границу между ними почти невозможно. Предельная исповедальность, пожалуй, самая привлекательная черта его стихотворений о всепреодолевающей любви:

Пусть не поймет нас, пускай не оценит

Нашего счастья никто из друзей, –

Сердце мое никогда не изменит

Скромной и бедной подруге моей!

Пусть и судьба, против нас выступая, –

Все беспощаднее день ото дня;

Только любила бы ты, дорогая,

Только бы ты понимала меня!

* * *

Русский религиозный философ Николай Бердяев в работе «Самопознание» о конце XIX в. писал так: «Это была эпоха пробуждения в России самостоятельной философской мысли, расцвета поэзии и обострения эстетической чувствительности, религиозного беспокойства и искания, интереса к мистике и оккультизму. Появились новые души, были открыты

новые источники творческой жизни, видели новые зори, соединяли чувства заката и гибели с чувством восхода и надеждой на преображение жизни».

Именно эти качественные изменения духовной атмосферы российского общества впитывала поэзия А. Коринфского. Многие его стихотворения приобретают философичность, наполняются Светом, Солнцем, Добром, Красотой, Живой Любовью и другими подобными образами. Заглавные буквы здесь не просто графическая игра; они служат конкретной эстетической цели – маркировать и раскрасить реальную действительность и воображаемый трансцендентный мир новыми символами. А это значит, что творчество А. Коринфского следует рассматривать как одно из явлений предсимволизма, особого периода в развитии русской поэзии, лишь не столь давно выделенного литературоведами. При этом поэт не прокламирует, скажем, Красоту как некий красивый символ, не подает ее как готовую обтекаемую формулу, но художественной интуицией, «вдохновенным угадыванием» (Брюсов) раскрывает ее существо:

В ней – все прекрасное, все чистое, святое;
В ней – вечная любовь; в ней – правда жизни всей;
В ней – все цветущее земли, все неземное;
В ней – примирение бушующих страстей.

<...>

В ней – вдохновенных дум волшебное мерцанье;
В ней – девственных надежд пленительные сны;
В ней – незакатное сиянье
Неотцветающей весны!..

Красота мира разлита, прежде всего, в природе, противопоставленной туманам, шуму и каменным строениям города – символу экзистенциальной неволи. Поэт живописует леса и луга, речные просторы и безоглядную ширь неба; в пейзажах, посвященных всем временам года, расцветает его оригинальная экспрессия, пестрящая разноплановыми тропами:

Поймы дымятся медвяными росами,
Сетью туман поднимается зыбкою;
Солнце, всплывая горит над покосами, –
Белому дню отвечая с улыбкою.

<...>

Заводь реки расцветилась рубинами;
Небо – шатром голубеет над водами;
Стелятся тени ночные ложбинами,
Утра лучи к ним спешат хороводами...

Недаром стихи А. Коринфского, пронизанные теплом и добротой, в крайне малом количестве, но все-таки вошли в антологию «Русская поэзия детям» (1989). Их лейтмотив заключен в том, что дети – наше светлое будущее, они осуществят несбывшиеся надежды настоящего поколения. Как созвучны дню сегодняшнему, когда крайне сложно уберечь наших детей от массивированного духовного растления, хотя бы эти строки поэта: Детский мир – очаг любви и веры. // В нем огонь святых надежд горит... // Горе тем, кто с умыслом постыдным // Этот светоч жизни затемнит!..».

Произведения А. Коринфского для детей – свежие, непосредственные, легкие для восприятия, как и столетие назад, сочетающие простоту слога и яркую живописность, ждут отдаленных красочных изданий. А ведь были еще исторические рассказы и зарисовки, пользовавшиеся любовью юных читателей...

* * *

Тема маленького человека, тяжелое положение крестьянина-труженика, социальная обездоленность городских низов – еще одна значимая грань творчества поэта. Русский крестьянин для него – «гений труда и терпения». Коринфский искренне сострадает тому, кто «над волнами ржи // Стонет пронзительный голосом...» и «чьих горьких слез // Так много пролито в отчизне!..». В потрясающем безысходностью стихотворении «Я видел» (1890) картины горькой жизни бедняков даны глазами очевидца:

Я видел, как дитя единственное мать
Сама несла в гробу, – как в церкви от страданья
Она уж не могла молиться и рыдать...

Еще поэт видел, как умирал в углу подвала больной старик, покинутый детьми; как стоит перед побитой градом пшеницей мужик, отныне ввергнутый в нужду; как оборванному нищему подала денег его родная дочь, ставшая «раскрашенным созданием» – светской дамой. Недаром в революцию 1905 – 1907 гг. Коринфский пришел к сатире и гражданским инвективам. Впрочем, патриотизм и гражданственность были свойственны его лирике всегда:

О, Русь крестьянская! С тобой я кровно связан:
Мой прадед-пахарь в душу мне вложил,
Как заповедный клад, зерно заветных сил.
Я – всем тебе обязан!

Крестьянскую Русь он не уставал прославлять, гордась и воспевая исконные черты русского народа – трудолюбие, чувство хозяина, сохранение песенной, сказовой и обрядовой культуры, кровную привязанность к земле и природе, сострадание к ближнему. Вершина иерархии наших национальных ценностей, главная духовная опора русского человека – православная вера. Христианские мотивы и образы, библейские отсылки и аллюзии пронизывают все проблемно-тематические блоки лирики А. Коринфского и образуют своего рода мировоззренческий универсум.

Темы лироэпических стихотворений православной направленности взяты поэтом из гущи народного сельского быта: они словно срисованы с природы, типичны и повторяемы в реальной жизни крестьянина. Их связь с фольклором подчеркивается жанровыми модификациями: «деревенский сказ», «волжское предание», «святочная бывальщина», «старое сказание» и т.п. Но под пером А. Коринфского эти сюжеты превращаются в стихотворные рассказы, написанные динамично, колоритно, с душевным подъемом. Они помогают людям в преодолении жизненных невзгод, бедствий и тягот, смягчают тоскующие сердца, вселяя в них надежду на лучшее. Например, в деревенском сказе «Слеза неугасимая» непоколебимая вера матери-крестьянки в Бога спасает ее больного, почти умирающего сына.

Умилением и упованием на веру в Господа отличаются стихи поэта о праздновании Пасхи; в них воссоздан многокрасочный образ ликующей православной России, встречающей Воскресение Христа:

Сияют церкви яркие,
Костры пылают жаркие
По стаявшим буграм;
В оградах – ходы крестные,
Хвалы-стихи воскресные
Выводят по крякам.

И вся земля крещеная
Внимает – умиленная –
Святым словам небес;
Вся – в голос отзывается,
Вся – в клич один сливается:
«Воистину воскрес!»

Внимания современного читателя достойны и исторические бывальщины А. Коринфского, тяготеющие к жанру баллады. В них воскрешаются судьбоносные вехи развития Руси (избавление от монголо-татарского ига, царствование Ивана IV Грозного, Смутное время начала XVII в. и др.), описываются ратные и мироустроительные дела русских князей и иных выдающихся людей, сыгравших значительную роль в русской истории. Среди них – патриарх Гермоген, митрополит Филипп, Нестор-летописец, князь Роман Ростиславич Смоленский, князь торопецкий Мстислав Удалой, князь Даниил Галицкий и многие другие. С особой симпатией поэт живопису-

ет судьбы тех, кто не отступился от православия даже перед лицом мученической смерти. Таков герой бывальщины «Князь Михаил Чермный» – сын великого князя Всеволода Святославича, один из участников битвы на Калке. Сегодня эти бывальщины, «преданий яркие цветы», должны войти в нашу культуру, в общественное сознание как живой источник исторической памяти, неразрывной связи времен, как образцы русской доблести.

Сейчас не существует никаких цензурных или идеологических преград к изданию объемного, текстологически выверенного сборника стихотворений Аполлона Коринфского, предназначенного для максимально широкой читательской аудитории. Отобранные для него произведения должны отразить многогранность тематики и жанров стихотворного наследия А. Коринфского, показать эволюцию его художественных поисков и в конечном итоге определить его место в русской поэзии рубежа XIX – XX вв.

